

ЖУРНАЛ "DÆDALUS"

РИСК

RISK // Dædalus, Fall 1990, v.119, no.4.
© American Academy of Arts and Sciences

От редакции. Номер журнала "Dædalus", посвященный теме "Риск", дает достаточно полное представление о наиболее популярных направлениях анализа этой проблемы в Соединенных Штатах. Так, большое внимание уделяется изучению рисков, связанных с состоянием здоровья (статьи П.Хубера; С.Клайдмена; Э.Берджера; А.Брандта; Р.Виддуса, А.Михеуса, и Р.Шорта; К.Хельцзауер и Л.Гордиса). Еще одна популярная тема – общественно-политические риски и их воздействие на формирование американской политики и политических институтов, а также законодательной системы (статьи Ш.Джасанофф; Х.Сапольски; Дж.Приста и Д.Хазарда). Для публикации в нашем альманахе мы отобрали работы, посвященные наиболее общим проблемам, затрагиваемым в современной западной "рискологии", и определяющие ключевые направления научного поиска в этой области. К их числу относятся вопросы исторической эволюции понятия "риск", анализ различных теорий восприятия риска человеческими сообществами и проблема распределения рисков и контроля за их последствиями. Предлагаемые вниманию читателей статьи М.Дуглас, Т.Лоуви, а также А.Виддавски и К.Дейка, публикуемые с небольшими сокращениями, представляются нам достаточно репрезентативными.

РИСК КАК СУДЕБНЫЙ МЕХАНИЗМ

Мэри Дуглас

Mary Douglas. Risk as a Forensic Resource
Перевод к.ф.н. А.Д.Ковалева

От "шанса" к "опасности"

Слово "риск" вновь обрело популярность. Одно из ходячих объяснений сводится к тому, что сильно увеличились опасности, исходящие от техники. И действительно, данный процесс наблюдается во всем индустриальном мире. Но некоторые другие виды риска уменьшились, по крайней мере, если цифры смертности и заболеваемости что-то значат. Поэтому, быть может, в первую очередь нуждается в объяснении обостренное политическое сознание (рискованности) техники. В Америке оно сильнее чем во Франции, (Duclos, 1989) и – предположительно – в России до Чернобыля. Некоторые склонны объяснять новое обращение к словарю риска в американской политике оживлением либеральной экономики с идеологией *laissez-faire*. В публикуемой ниже статье Теодора Лоуви показано, как идея XIX в. о заслугах занимающегося со-

пряженной с риском деятельностью индивида снова была введена в американскую политику. Превознесение умения рисковать взывает к добродетелям морали пионеров-колонистов (*frontier morality*), прерывая долгое, медленное движение к установлению коллективной ответственности за несчастные случаи. Но этот идеологический сдвиг сам по себе нуждается в истолковании. Американская политическая история не объясняет возрождения рыночной идеологии в Британии и в Китае, а в последнее время – в России и Восточной Европе. Вопрос в том, почему изменения в политических дискуссиях сказываются в разных странах на использовании терминологии риска. Ответ, предлагаемый здесь, состоит в том, что, во-первых, культура нуждается в каком-то общем "судебном" словаре, с помощью которого можно удерживать людей вменяемыми, ответственными за свои поступки, и, во-вторых, *риск* – это слово, которое превосходно обслуживает судебные потребности новой глобальной культуры.

Цель данного очерка – определить место понятия риска, сравнивая его нынешнее употребление с аналогичными понятиями в других временах и странах. Став одним из центральных культурных новообразований в Америке, слово изменило свой смысл. Вхождение в политику ослабило его связь с техническими исчислениями вероятности. В XIX в., когда теория риска стала играть важную роль в экономике, люди считались существами, не расположенными к риску, поскольку предполагалось, что они делают свой выбор согласно гедонистическому расчету. Чтобы рисковать, собственнику фирмы нужен особый стимул высокой прибыли, иначе он не станет инвестировать капитал. В еще более отдаленном прошлом, в XVIII в., анализ риска имел важные применения в морском страховании. Шансы корабля благополучно вернуться домой, принеся прибыль его владельцу, сопоставлялись с шансами его гибели в море, несущей разорение. Сама по себе идея риска была нейтральной, основанной на подсчете вероятности потерь и приобретений. Отступив еще дальше в прошлое, мы увидим, что это понятие возникло в XVII в. в связи с азартными играми. Для них был разработан специальный математический анализ шансов. *Риск* тогда означал вероятность появления некоторого события в сочетании с величиной потерь и выигрышей, которые оно повлекло бы за собой. С XVII в. анализ вероятностей становится основой научного знания, преобразуя природу очевидности, знания, авторитета и логики (Hasking, 1975). Любой процесс или любая деятельность имеют свои вероятности успеха или неудачи. Исчисление риска пустило глубокие корни в науке и производстве, а также в качестве теоретической базы для принятия решений. Ясно, что теория вероятности во многом определила пути современного мышления.

Согласно Эрнесту Геллнеру, переход к современному индустриальному обществу "с объективной неотвратимой необходимостью" навязывает культурную однородность: "Культура уже не является простым украшением, подтверждением и легитимацией социального порядка, который поддерживали также более грубые и принудительные средства; культура теперь – необходимый общий посредник, животворный источник или, возможно, та минимальная общая среда, в которой только и могут дышать, выживать и производить члены общества. Для данного общества среда, в которой все смогут дышать, разговаривать и

работать, должна быть одна. То есть это должна быть одна и та же культура... и она не может и дальше оставаться расходящейся по разным направлениям, узкоместной, бесписьменной малой культурой или традицией" (Gellner, 1984, p.37–38).

В соответствии с такой логикой понятие риска должно было бы уже выйти на передний план в политике, поскольку вероятностное мышление широко распространено в промышленности, современной науке и философии. Риск давно стал бы характерным политическим жаргоном как часть процесса гомогенизации, приближающего нас к новому мировому уровню взаимодействия. Однако тот риск, который как центральное понятие присутствует в наших политических дебатах, имеет мало общего с исчислениями вероятностей. О первоначальной связи говорит лишь слабое указание на возможное направление науки: если слово *риск* теперь означает – опасность, то *высокий риск* – много опасностей.

В упомянутом очерке Геллнер пишет, в частности, о роли образования и разделяемой всеми культуры как необходимой части инфраструктуры национализма. Он не говорит, как "неотвратимый императив" навязывает свои веления или где источник его авторитета: процесс нарастания однородности имеет результатом производство некоторых ключевых слов, которые охватывают область согласованных понятий. Но почему при становлении одного из ключевых слов этот процесс должен избавлять "риск" от первоначального значения?

Дело в том, что пружинной изменении здесь служит спор об ответственности, который непрерывно продолжается в любом сообществе. Этот диалог, культурный процесс как таковой, есть соревнование за поддержку именно данного, а не другого рода деятельности. Решения инвестировать в технологии больше или меньше – это результат культурного диалога. Решения о расширении дела, запрещении иммиграции, лицензировании, об отмене соглашения – все эти ответы на разные притязания нуждаются в поддержке со стороны институтов права и судебной власти. Поэтому культурный диалог лучше всего изучать в те моменты, когда он приобретает характер судебного. Понятие риска выходит на поверхность как ключевая идея новейших времен, благодаря его применению в качестве судебного механизма.

Чтобы хорошо исполнять роль в новой культуре, слово должно иметь значение, совместимое с модными политическими претензиями. Если изменения состоят в переходе от малых местных общин к мировому обществу, то ключевые слова нужны, чтобы оправдать расставание со старыми ограничениями и обязательствами. Новый смысл слова "риск" работает потому, что допускает сильнейшую тенденциозность в пользу такой эмансипации. В контексте общей привязанности к эмансипации смысла "риска" скорее всего будет соотноситься только с опасностью. Если первоначально высокий риск означал игру, в которой кости весьма вероятно могли выпасть так, чтобы привести к крупным потерям или неприятностям, то теперь "риск" относят только к отрицательным результатам. Слово фиксировано для обозначения "плохих" рисков. Обещание чего-то "хорошего" в современной политической речи выражают в других терминах. Язык риска зарезервирован в качестве специализированного лексикона для политических разговоров о нежелательных результатах. "Риск" призывают на службу для выпадов против злоупотреб-

лений власти. Обвинение в создании обстановки риска – это дубинка для битья авторитетов, средство расшевелить ленивых бюрократов, вырвать возмещение для жертв. Для всех этих целей разом "опасность" была бы правильным словом, но плоская "опасность" не имеет ауры научности или претензий на возможный точный расчет.

Грехи и табу

Все исторические культуры пребывают в состоянии перехода. Культурная стабильность кратковременна, однородность достигается с трудом и всегда готова исчезнуть. Находясь внутри собственной культуры, отдельное лицо склонно не замечать вокруг себя культурно стандартизированных форм: преступание, грех против нормы всегда заметнее подчинения ей. Внутренний опыт культуры – это опыт выбора и решений, ревниво наблюдаемых и судимых близкими и прессой. Привычный туземный взгляд не улавливает регулярностей, но, как только туземец попадает за границу, обычно его сильно поражает стандартизированное поведение иностранцев. Наивное воззрение на культуру таково, что ее будто бы нет дома, в своей стране, и только за границей люди живут в культурных тисках. Нужны специальные усилия и некоторая умственная тонкость, чтобы разглядеть свою собственную культуру. Мы нормально ориентируемся в ее незамечаемых интеллектуальных границах в той мере, в какой сами страстно вмешиваемся в культурный диалог о справедливости и вероятности того, что мир сделает с людьми, если они будут пренебрегать его реальными условиями. Один из способов преодолеть культурную слепоту – это быть внимательным к тому, как толкуются требования власти-авторитета и общественной солидарности. В продолжающемся культурном диспуте о справедливости и [реальном] мире обычно присутствует какая-то идея опасности. Эти дебаты испытывают давление то стремления к эмансипации от старых институциональных ограничений, то стремления укрепить институты, в которых сосредоточены власть и солидарность. Лозунги справедливости и опасности служат источниками риторики для всех партий. На этих весах постоянно взвешиваются и всегда пересматриваются понятия обязанности и правонарушения. В этом отношении новейшему поколению не следует воображать себя отличным от любого другого. Современники неизбежно вовлекаются в культурный диспут и принуждают друг друга к культурному конформизму.

Большинство малых локальных культур вырабатывает для морализации и политизации опасностей какой-то общий термин, который пронизывает всю ткань социальной жизни. В доиндустриальную эпоху на Западе христианство использовало для этого слово "грех". Сам факт, что это слово стало общепонятным, есть знак достигнутой культурной однородности. Тогда думали, что большой грех может напустить опасности на всю общину или поразить бедой самых близких и дорогих грешнику людей. Еще до "плохого" события грешник на грани падения мог вспомнить о своей ответственности и вовремя удержаться. Когда же дурное событие случалось, его исток можно было обнаружить в известном грехе. И до христианства Библия полна такими толкованиями событий: поражение израильтян в битвах, разрушения от землетрясений, чума и засуха приписывались божьему гневу за грехи. Публичные рассуждения об

опасностях греха мобилизовывали моральное сообщество. Казалось бы, все это далеко от современного обесцвеченного дискурса о риске.

Грехи и табу – необходимая принадлежность дискурса о религиозной вере. Открывая большому миру замкнутые общины и тем сметая преграды свободному движению индивидов, индустриализация также способствует религиозному скептицизму как составной части того же культурного процесса гомогенизации. Культурные контексты "риска" и "греха" кажутся при этом совершенно несовместимыми. Но если бы западная индустриальная демократия когда-нибудь построила однородную культуру, использующую единый словарь для морализирования и политизирования окружающих нас опасностей, она уже не смогла бы воспользоваться словарем религии. Нейтральный словарь риска – это все, чем мы располагаем для наведения моста между известными фактами бытия и созиданием моральной общности. И это объясняет, почему публичный дискурс о современных видах риска ступил на старый путь. Слова "риск", "опасность" и "грех" используют по всему миру, чтобы снизить либо подорвать доверие к политике, защитить либо индивидов от хищнических институтов, либо институты от хищных индивидов. По сути, риск обеспечивает мирские термины для переписывания одной из заповедей писания: не грехи отцов, но "риски", высвобожденные отцами, падут на головы их детей, вплоть до двенадцатого колена.

Конечно, риск – не то же самое, что грех или табу. Но его отличия не совсем такие, какими они могут показаться на первый взгляд. С нашей точки зрения, современной, скептической и мирской, табу и грехи словно бы ориентируют на прошлое: сперва несчастье, затем объяснение его причины каким-то более ранним проступком. Напротив, риск, по видимости, ориентирует на будущее: это понятие используют, чтобы оценить опасности заранее. Но не в этом действительное различие между "дискурсами" о риске и о грехе. Точка зрения наблюдателя обманывает. Смотря на грех и табу с мирских позиций, мы привносим наше собственное знание об отсутствии связи между преступлениями против морали и, скажем, погодой или распространением болезни. Связь, которую религии обычно проводят между грехами и несчастьями, дана в них вместе с остальной частью религиозных представлений о природе. Модель того, как работает мир, задействована постоянно, и "грехи" работают на будущее точно так же, как "риски". Самое "имя" греха – это часто пророчество, предсказание неприятностей. Поэтому живущим вместе людям сперва приходит искушение ко греху, а потом – мысль о будущем возмездии, затем следуют предостережения друзей и родственников, нападки врагов и, возможно, возврат на "праведный путь", прежде чем причинен серьезный вред. Заметное различие видно не в предсказательных использованиях понятия риска, а в его "судебных" функциях.

По мере того как сообщество достигает культурной гомогенности, оно начинает расставлять "дорожные указатели", обозначая моменты наиболее опасного выбора. Эти знаки говорят, что определенные виды поведения очень опасны. Таким образом, можно сказать, что сообщество достигло некоторого (вероятно, временного и хрупкого) согласия в осуждении известного поведения. Готовыми примерами здесь могут служить богохульство, лжесвидетельство, предательство, подстрекательство к

бунту, неуважение к старшим. Дух общественного неодобрения подкрепляет веру, что определенные деяния опасны. Доверчивое отношение чужестранцев к разным табу, которое удивляет нас, возникает там, где информация о причинах наименее согласована. Без профессиональных институтов, способных сузить вопрос и поставить его на эмпирические рельсы, торжествует судебная функция бедствий. Мы встречаемся с такой же доверчивостью к объяснениям судебного типа на далеких окраинах профессионального мира. Вот почему эта периферия щедрa на новации и почему так мало из этих новаций можно перевести в практику истеблишмента.

Существует еще одна причина привлекательности "судебных" применений жупела опасности. Кто может попасть в их сети? Прежде всего сами жертвы несчастий, которых хочется обвинить в чем-то неблаговидном. Людям хочется видеть некое соответствие между масштабом несчастья и греховностью того, кто его допустил. Предупреждение риска включает перечень заслуженных дурных последствий для нарушителя, его семьи и друзей. Если округ считается политически нелояльным, то именно эту "измену" глава администрации и его приспешники могут объявить ответственной за местную засуху. Женщина, умершая в родах, оказывается примером опасности беспорядочных половых связей. Опасность сама по себе обвиняет отступников в ущербности. Здесь нет ничего от выводов *post hoc* о существовании некоей постоянной связи, которая действует в обоих направлениях. Только когда ослабевают согласие в сообществе относительно обязательств политической лояльности или слабеют родственные обязанности и супружеская верность, становится видна слабость этой причинной связи.

Опасность в контексте запретов (табу) используется в риторике обвинений и обещаний возмездия, чтобы крепче связать индивида сетью общественных обязательств и оставить в его уме невидимые преграды и дорожки, с помощью которых сообщество в общих чертах координирует его жизнь. Благодаря своей заинтересованности в этих границах, индивиды могут получить свою долю территории и ресурсов для ее защиты. Современное понятие риска, такое же фрагментарное ныне, как и опасность, вызвано к жизни, чтобы защитить индивида от посягательств других. Оно – часть системы мышления, поддерживающей тот тип индивидуалистической культуры, который способствует экспансии индустриальной системы (вот почему риск – такой важный предмет для Америки). Экспансия была огромной; сейчас наблюдается некоторое ее замедление, но возможно и новое усиление. Дискуссии о риске играют ту же роль, что грех или табу, но имеет уклон в противоположном направлении: от охраны общественного союза к защите индивида.

Это не дает ясного понятия о табу: оно действует не только против индивида. Понятие табу, как и понятие риска, может поддерживать народный протест против правительственной власти. Пока существует общее согласие, что индивиды нуждаются в защите, обычно имеется и список опасностей, на который ссылаются, чтобы ограничить произвол власти. Вспомним: царей Израильских, не строго соблюдавших культовые обряды, обвиняли в том, что они навлекли на свой народ военное поражение, чужеземное порабощение и даже засуху. В

шекспировском цикле исторических хроник, предмет которых – королевская власть во время войн Алой и Белой Роз, проводятся сходные идеи о наказании королевского произвола и угнетения. Однако до сих пор имеется асимметрия в использовании слов "риск", "грех" и "табу", поскольку современное выражение "быть в рискованной ситуации" (being "at risk") не тождественно, а противоположно "пробыванию во грехе" (being "in sin") или "под табу" ("under taboo"). "Находиться в рискованной ситуации" равносильно тому, чтобы быть существом, против которого грешат, существом, уязвимым для событий, причиной которых были другие, тогда как быть "во грехе" означает быть причиной вреда. Риторика в категориях греха и табу чаще используется, чтобы поддержать сообщество, уязвимое для дурного поведения индивида, в то время как риторика в категориях риска поддерживает индивида уязвимого для "дурного поведения" сообщества. В очерке Эдуарда Берджера (Edward Berger) "Здоровье как заменитель окружающей среды" в данном выпуске "Дедалуса" показано, почему политические действия в защиту среды должны быть поданы так, как если бы они специально предназначались для защиты личного здоровья людей. В такой форме они выглядят как "политические действия не под тем знаменем", но в действительности сплотить людей можно только под этим знаменем: защита каждого отдельного человека. Новый общественный диспут о риске обычно не защищает коллективное благо, в отличие от старинного спора о грехах. Эссе Бергера предлагает гипотезу, почему Франция, Россия и Англия политически меньше встревожены технологическим риском: такое положение прямо не связано с характеристиками технологии или опасности, но скорее подразумевает, что Америка дальше ушла по пути культурного индивидуализма и потому может лучше использовать судебный потенциал идеи риска.

Риск и действительность

Заметим, что реальность опасностей как таковая здесь не оспаривается. Опасности ужасающе реальны в обоих случаях: и современном, и досовременном. Мы рассуждаем не о реальности опасностей, но об их политизированных формах. Удивительно, сколько умных рецензентов "Риска и культуры" (Douglas and Wildavsky, 1982), в том числе и антропологов, попадают в ловушку, полагая, будто такие рассуждения бросают тень сомнения на реальность опасностей (Winner, 1982; Karpow, 1985; Johnson and Covello, 1987). В доиндустриальном мире ожидаемая продолжительность жизни мала, часто не более 48 лет; коэффициенты смертности высоки для всех, но детская смертность может превышать 25%. Женская смертность при родах очень велика. Истощение, голод и болезни – вечные угрозы. И кажется плохой шуткой принимать этот анализ даже за легкий намек на то, что упомянутые опасности – воображаемые. Риск в индустриальном мире равно реален. Аргументация на базе межкультурных сравнений не работала бы, если бы опасности были фиктивными. Культурно наивные пересуды не получали бы распространения, если бы опасности не были реальными. Общественное обсуждение всегда связывает некую реальную опасность и какое-то неодобряемое поведение, классифицируя опасности по характеру угрозы ценным институтам. Для нас высо-

коценный институт – это индивидуальная свобода. И если суровые табу удерживают женщину в браке, то мы сумеем доказать, что брак – не простое партнерство мужчины и женщины, но сложная цепь союзов, главный институт, управляющий процессами производства и воспроизводства людей. Если подстрекательство к бунту считается спусковым механизмом климатических беспорядков, тогда, будьте уверены, политическая солидарность и ненадежна, и желанна.

Наблюдая, как мы, сообщество извне, легко увидеть, что опасности (реальные опасности) используются для того, чтобы дать автоматическую, самооправдательную легитимацию установленному правопорядку. Мы видим их карательную или устрашительную функции. Но это только половина дела. Люди, боящиеся табу, видят опасности и их связь с моралью как часть работы мирового механизма. Если они качают головами и говорят об умершей при родах женщине, что она получила то, что заслужила, так это потому, что адюльтер для них непреложно связан с ненормальными родами как огонь связан с горением. Табу работает, потому что сообщество верующих выработало общее согласие относительно тех видов солидарности, которые должны помогать им коллективно справляться с осаждающими их болезнями, несчастными случаями и военными угрозами. Члены сообщества управляют со своими рисками, мобилизуя солидарность, и призывают пугало опасности, чтобы сохранить существующие различия. Возможно, что солидарность – более трудная проблема для них (Douglas, 1986), или может быть так, что нарушение и потеря солидарности затрагивают нас меньше. Это могло бы объяснить, почему так трудно все время видеть самих себя в одной и той же перспективе: дискурс в понятиях греха и табу нацелен на консервацию традиционной солидарности, тогда как дискурс вокруг риска имеет в виду ее рассредоточение и исчезновение социальных разделений.

В ходе культурного диспута о риске и справедливости оппоненты стремятся обвинить другую сторону и освободить от вины своих сторонников. "Риск" весьма недвусмысленно используют для обозначения опасности от будущего вреда, причиняемого оппонентами. Степень риска – дело экспертов, но обе стороны в споре обычно считают доказанным, что вопрос решен и ясен. Всякий, кто настаивает, что степень неопределенности здесь весьма высока, воспринимается как апологет безответственности.

Наивная модель риска

Наивная модель риска хорошо работает, когда диспутанты имеют согласное мнение о виде ответственности, который они хотят внедрить в своем сообществе. Суждения на основе фактов обеспечивают путеводную нить для моральных суждений лишь в том случае, когда цели не оспариваются. Анализ риска может подсказать вам с очень высокой степенью точности вероятность наступления конкретного события – один шанс на миллион, на тысячу и т.д. Подобный анализ может информировать вас о том, сколько стоит предотвратить событие, застраховаться от него, какова стоимость компенсации за него или даже о шкале возможных выигрышей, которые были бы следствием этого события. Все детали такой информации необходимы, если стороны со-

гласны относительно целей общества. И ничто из этого не пригодно для решения, которое в корне отвергает одна из сторон.

Согласие не зависит от признания фактов. И согласие среди ученых как общественной группы не гарантирует согласия среди широкой публики. Профессиональные психологи, которые стали изучать восприятие риска, принимают для себя культурно наивный подход, толкуя политические расхождения как интеллектуальные разногласия. Пытаясь пренебрегать борьбой за власть, обуславливающей различия во мнениях о риске, этот профессиональный подход упускает главное. Оценку восприятий риска публикой психологи стремятся довести до той же степени объективности, что и в самом вероятностном анализе риска, и аналогичными методами. К сожалению, эту попытку губит культурно наивное допущение, будто культурные предрассудки (тяготения, предпочтения) не имеют к нам отношения в родной стране, будто культура это что-то начинающееся за границей, у экзотических народов.

Использование наивной модели восприятия риска обычно приводит к заключению, что надо повысить уровень образования введенной в заблуждение публики. Но при демократии нельзя ожидать, что образование изменит политические привязанности масс. Профессионалам, работающим внутри своей цеховой культуры, свойственно находить, что публику нужно лучше информировать по конкретным вопросам, – в данном выпуске “Дедалуса” такую точку зрения представляют, например, Roy Widdus, Andre Meheus и Roger Short, описывающие популярные заблуждения относительно болезней, передаваемых половым путем, и Kathy Helzlsouer и Leon Gordis в своем очерке о факторах риска для здоровья. Очевидно, если бы публика была лучше осведомлена во многих предметах, это помогло бы проводить политику оптимизации риска. (К примеру, было бы легче обсуждать энергетические проблемы, если бы многие люди не были убеждены, что причина кислотных дождей – в атомных станциях.) Но в высшей степени маловероятно, что улучшение информации и повышение образования примирят расхождения во мнениях по проблеме риска.

Риск – это не только вероятность события, но также и его вероятные масштабы, и все зависит от ценности, которую придают этому событию. Оценивание – процесс политический, эстетический и моральный. В практической жизни частные решения по риску принимаются путем сравнения многих рисков и их вероятных хороших или плохих исходов. Ни один элемент риска, как правило, не будет рассматриваться в изоляции. И умственная деятельность не осуществляется в изоляции. В публикуемой ниже статье Арона Вилдавски и Карла Дейка показано, что политическое предпочтение (предрассудок) есть мощнейший инструмент предсказания установок по отношению к риску. В сущности, любая теоретическая конструкция вынуждена выходить за пределы культуры, в которой обсуждаются проблемы риска.

Культурная теория начинается с посылки, что культура – это некоторая система, состоящая из личностей, которые считают друг друга и взаимно вменяемыми и ответственными. Человеческая особь пытается жить, придерживаясь известного уровня ответственности, переносимого для нее и сравнимого с уровнем ответственности, на котором она хотела бы

держат других людей. С этой точки зрения культура предстает наполненной подразумеваемыми политическими предпосылками взаимной ответственности. И представление об изолированном индивиде, проверяющем каждую новость без предрассудков или моральных привязанностей, уступает место предположению, что человек процеживает возможную информацию сквозь фильтры коллективно созданной цензуры в соответствии с данными стандартами ответственности. Это выглядит так, словно в человеческой голове имеется своего рода конституционное сканирующее устройство, занятое проверкой поступающих новостей. Критерий отбора усваиваемого знания или отбраковки простых шумов – в ответе на вопрос, будет ли новая идея или факт подкреплять излюбленную политическую схему субъекта. При такой послышке бесполезно изучать восприятие риска без систематического учета культурных предрассудков. Объекты психологического исследования берут с собой в экспериментальную кабину какую-то идею о том, что такое длительность, предчувствие, долго ли подопытный сможет получать там удовольствие, и, наконец, практический опыт столкновений с неравными и равными шансами в повседневной жизни. Вполне осуществима разработка вопросов, которые сортировали бы подопытных по их культурным предрассудкам, прежде чем браться за их реакции на вероятные потери.

Культура и знание

В нескольких очерках, публикуемых в этом выпуске “Дедалуса”, отмечается, что знание “уходит на сторону”. Альтернативное знание в медицине и праве успешно отвоевало место рядом с официально признанным знанием. Никто не предлагает нам полной определенности, даже в науке. Когда мы жили в иерархической культуре, мы обычно думали, что всякий предмет знания определен либо как истинный, либо как ложный; факт был фактом и, как таковой, гарантировал дедуктивные умозаключения из него. Теперь, когда мы находимся под властью индивидуалистической культуры, соревнование между истиной и ложью продолжается; знание приходится защищать в каждом пункте; открытое общество ничего не гарантирует. Каждый тип культуры опирается на свою отличительную установку по отношению к знанию. Иерархия – и как система правления, и как тип культуры – предполагает, что мир до сих пор познаваем и что сама иерархия организована согласно принципам, движущим вселенную. Следовательно, тот консенсус, что поддерживает политическую систему, поддерживает и авторитет фактов. Самозащитные политические усилия иерархии переходят и в защиту системы знания, с которой она отождествилась. Доверие к своему старому знанию – фирменный знак иерархии. Индивидуализм как тип культуры платит дань новому знанию. Индивидуализм – это не столько формальная система правления, сколько состязательная рыночная система; даже применительно к идеям и фактам его контролирующие принципы встроены в систему рыночного обмена; весьма характерно, что сообщество выносит решение о границах дозволенного через ценовой механизм. Новое знание волей-неволей должно дискредитировать старое знание. Очень хорошо сознавая, почему мы хотим нового знания, мы не должны удивляться неопределенности, которая наступила из-за этого.

Как показывает в публикуемой ниже статье Т. Лоуви, конкурентный рыночный индивидуализм нуждается в политической базе, чтобы обеспечить свою безопасность. Точно так же иерархической культуре нужна экономическая база. Не может быть рынка без сопутствующей политической культуры, и не может быть иерархии без экономического обмена. Тем не менее говорят: культура индивидуализма жестко ограничивает, как и что может делать правительство, а культура иерархии сурово ограничивает рынок. Хотя они должны сосуществовать, их баланс в каждом отдельном случае столь различен, что каждый случай требует и разного мировоззрения, чтобы поддержать этот баланс. Гомогенизирующий воспитательно-образовательный процесс, который Геллнер описывает в качестве базиса национализма, есть также необходимый базис культурного предрассудка, культурной тенденции, но действительный источник преобразований находится в суде, а не в школьной аудитории.

Апелляции к определениям степеней риска, оцененных уполномоченными на то экспертами, – это обращения к внешнему арбитру, независимому, объективному судье действительного положения дел, справедливых и несправедливых претензий. Вообще, воззвание к профессиональным экспертам решить вопросы ответственности срывается, когда их методы и их результаты поддержаны властью. На месте судьи должен быть кто-то вроде Соломона, чтобы вынести приговор, которого никакие свидетельства сами по себе не обеспечивают. В современных условиях апелляция к науке существует из-за отсутствия уважения к любому третейскому судье. Роль Соломона ныне неприемлема. Самая идея, что может быть найдено техническое решение какого-либо разногласия относительно выбора целей и средств, показывает, что политическое примирение отвергнуто. Предсказуемое последствие использования науки в политике состоит в том, что обе спорящие стороны будут консультироваться со своими собственными научными экспертами. Peter Huber в данном выпуске “Дедалуса” описывает, как одна культурная периферия призывает другую: периферийные движения находят технические советы у периферийной науки и усиливают раскол между центром и окраиной. Его собственное энергичное предупреждение, что пограничная наука бесплодна, есть видоизмененная форма дискредитации науки как таковой. Когда в этих условиях науку используют как арбитра, она в конце концов теряет свое независимое положение подобно священнослужителям, смешивающим политику с высоким ритуалом, окончательно дисквалифицируется. Этот процесс весьма впечатляюще описан в книге Брайана Уинна о связи между суетой вокруг риска и социологией знания (Wynne, 1987).

Если чаша весов культурного изменения склоняется в сторону все более распространяющегося индивидуализма, то это не потому, что он навязан нам. Мы, диспутанты на форуме культуры, проводим его в жизнь потому, что хотим его. Если основания знания начинают казаться более ненадежными, то это потому, что мы уже давно потихоньку их подрывали. Поступая так, мы отъезжаем на возможности, предоставляемые мировой индустриальной системой. Каждый маленький сдвиг в правовой структуре может быть оценен с точки зрения сохранения или разрушения ею здания организованной солидарности. Продвижение к культуре индивидуализма выдвигает знание на передовую

линию политической конкуренции именно потому, что культура несовместима ни с властью, ни с застывшей структурой. Кто бы ни оплакивал получившиеся результаты, все равно он должен рассматривать альтернативы. Изображение самой политической системы у Харви Сапольски (Harvey Sapolsky) в данном выпуске "Дедалуса" как изрядной опасности для американцев замечательно по существу, но в таком ракурсе каждая политическая система представляет изрядную опасность, так или иначе, для того или другого. Наилучший путь сохранить холодную голову в отношении здоровья и других опасностей – это сознать себя при выборе между культурами.

ЛИТЕРАТУРА

- Duclos D.** La Peur et le Savoir: La Société Face à la Science, la Technique et leurs Dangers. Paris: Editions de la Decouverte, 1989.
- Douglas M.** How Institutions Think. Syracuse (NY): Syracuse University Press, 1986.
- Douglas M. and Wildavsky A.** Risk and Culture. Berkeley: University of California Press, 1982.
- Gellner E.** Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell, 1984.
- Hacking I.** The Emergence of Probability, a Philosophical Study of Early Ideas about Probability, Induction and Statistical Inference. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Johnson B. and Covello V.** The Social and Cultural Construction of Risk: Essays on Risk Selection and Perception. Dordrecht: Reidel, 1987.
- Kaprow M.** Manufacturing Danger: Fear and Pollution in Industrial Society // American Anthropologist, v.87, 1985, p.357–364.
- Winner L.** Pollution as Delusion // New York Times Book Review, 1982, no.8.
- Wynne B.** Risk Management and Hazardous Waste, Implementation and the Dialectics of Credibility. Berlin: Springer, 1987.

РИСК И ПРАВО В ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Теодор Лоуви

*Theodor J. Lowi. Risks and Rights in the
History of American Governments
Перевод д.и.н. Б.М.Шнотова*

В своем первом письме от октября 1988 г. комитет по подготовке этого выпуска "Дедалуса" со сдержанностью, присущей жителям Новой Англии, отметил, что "тема риска в наши дни пользуется определенной популярностью". Чем это объясняется? Моя коллега Мэри Дуглас изложила свою точку зрения на этот вопрос в первой статье номера, но ее подход лишь отчасти объясняет значимость проблемы распределения риска. Эта проблема снова на повестке дня – и в государственной политике, и в публичных дискуссиях, поскольку наряду с объективными условиями кардинально изменились идеология и ценности, влияющие на распределение риска. Я исхожу из обоих моментов, но больше учитываю второй, в котором можно выделить три фактора.